

„ЕЖ-ТЕ В РОТ... В КРЫМ ЕДУТ!“

— Василий Петрович, а Василий Петрович! .

— Ась?

И, оглянувшись, Василий Петрович, председатель фабкома хрустальной фабрики, недовольным, но добродушным взглядом окинул румяное лицо подбежавшей к нему Нины.

— Ну, что еще тебе? Небось опять насчет денег... Еж-те в рот пирога с луком. Опять пионерчики тормозят? А?

— Да, денег малость требуется...

— Эх вы! Все денег да денег. А вы бы без денег делами ворочали.

И, прибавив шагу, не глядя на Нину, Василий Петрович резко обрезал:

— Нет вам денег. Недавно выдал и опять пришли раньше сроку...

Потом, помолчав с минуту, еще раз недовольно буркнул:

— Нет вам денег... Еж-те в рот пирога с луком.

— А ты погоди, Василий Петрович, расходиться-то. Разобраться надо.

— Чего ж тут разбираться? Нету—и... крышка. Приходи в следующий месяц.

— То само собой, а сейчас нужно в роде как бы сверхсметных... На дело внеочередное...

— Сверхсметных, говоришь? — вытянул Василий Петрович из груди членораздельными звуками.—Ишь ты!

Василий Петрович закурил папироску, резким обрывом руки бросил в сторону тлевшую спичку и, внимательно посмотрев на Нину, спросил:

— Это что же за сверхсметные? А?.. Что же это за сверхсметные, я тебя спрашиваю... Еж-те в рот пирога с луком.

Как видно, ему очень не нравилось, когда разговор касался отпуска непредвиденных „сверхсметных“ сумм. Они остановились у проходных ворот фабрики, и Василий Петрович, глубоко затянувшись сизым ды-

мом папироски, уже более спокойно спрашивал Нину.

— Для чего же это тебе „сверхсметные“—то потребовались, верховод ты пионерский? Много ли вас таких-то в ячейке обретається?

— Каких это „таких“? Я о деле думаю, дело делаю и к тебе с делом пришла.

— Я и говорю про то...

Василий Петрович сунул в рот истлевшую папиросу и, заметив, что она потухла, бросил под ноги, приплюснув ее подошвой ботинок к каменистой дорожке.

— Ну, рассказывай, верховод.

— А ты, Василий Петрович, зря расходишься. Разве на шесть отрядов, что при фабрике нашей, много тех денег, которые фабком нам отпустил? Да ведь их на бумагу для стенгазеты да на краски, да еще вот на такие мелочи по клубной работе только-только хватает. Да ведь у нас совсем мало денег идет; вон площадку-то какую соорудили—был ли ты на ней?—а денег на нее почти ничего не истратили. Во всяком случае, совсем немного! Подсчитайте. Все больше сами. Да и без того знаем, что

сами должны делать. На то и пионеры, организация.

— Ну, ну... Знаю ведь сам. Ты о „сверх-
сметных“ рассказывай.

— Что ты знаешь? Маловато ты о пио-
рах знаешь. В кои-то веки заглянешь, на
демонстрациях только разве. Так вот я и
говорю. У нас деньги идут на самое необхо-
димое, чего сами сделать не сможем. Бума-
гу-то ведь не сделаешь? Карандаши тоже?
Без барабана ведь не к лицу как-то отряду
ходить? Журнал, газету тоже выписать надо.
А в Крым пешком тоже не пойдешь. Пол-
торы тысячи километров.

— В Крым?

— В Крым, — убедительно пониженным
тоном повторила Нина.— В Крыму есть ла-
герь-санаторий юных пионеров. На южном
берегу. Да разве ты не знаешь о нем? Он
организован еще в 1925 г. центральным ко-
митетом Российского общества Красного
Креста и Центральным бюро юных пионеров.
Каждый год туда направляются со всего
СССР группы слабых детей-пионеров. В этом
году от нашей губернии тоже едут 35 чело-
век, и нам предоставлено четыре места. Вот

нам и нужны деньги на проезд. За билеты заплатить да на питание в дороге, а уж там в лагере без нашей помощи. Все бесплатно.

И, переждав с минуту, в течение которой Василий Петрович еще не сказал ни одного слова, о чем-то думая, Нина переспросила, тревожно на него поглядывая:

— Так как же, Василий Петрович? Взрослые-то рабочие едут и в Крым, и на Кавказ. Надо и детишек послать. На одних ведь хлебах-то с отцом и матерью живут, одним воздухом дышат. Ишь вон дыму-то што. Духота!

— Да что говорить. Верно.

И, взглянув на часы, заторопился.

— Ладно. В фабкоме поговорю. Денег-то многонько требуется! А когда езжать надо?

— Через три дня, во вторник.

— Ты зайди завтра в обед или по телефону звякни.

— Я-то зайду, а ты вот с фабкомцами дело-то не заканитель.

— Да уж ладно, веѣховод. Денег-то, вишь, многонько надо, еж-те в рот пирога с луком.

ЖУРЧИТ РУЧЕЙКОМ РАДОСТЬ ПО ФАБРИЧНОМУ ПОСЕЛКУ

В эти дни во всех отрядах фабрики было много разговоров о предстоящей поездке в Крым четырех пионеров.

— Кто же поедет?

— Слабых, говорят, пошлют.

— Слабых, слабых!—передразнил маленький Ванятка, с бойким игривым лицом и внимательными глазенками, настойчиво сверлящими своего собеседника, так же как и все, что привлекало его внимание. Он с курьезным достоинством, которое бывает у маленьких „серьезных“ детишек, поправил на груди галстук, сбившийся в сторону, и продолжал:

— Слабых-то разве четыре на нашей фабрике? Посчитай-ка! Всех не пошлешь в Крым. Места нехватит, и карман не выдержит. Наш Союз советских социалистических республик еще беден,—добавил он тоном взрослого человека.—Нужно отобрать наиболее нуждающихся в отдыхе и в поправке своего здоровья. Во! Это Нина говорила. Много нас поедет в наши лагеря. В экскур-

сии будем ходить, играть на площадке. А в Крым нужно послать... этаких... (он на секунду запнулся) пре-ду-расположенных к тубир-кулезу. Которые, значит, скоро захворать могут тубиркулезом, да еще нервные, да у которых крови мало, не резкое, значит, малокровие.

— Это и нам Нина говорила. Подумаешь, какой знающий нашелся! Переутомленным еще можно ехать. Да еще тем из этих слабых, у которых папка меньше других зарабатывает, а семья у него ртов на семь будет.

— Доктор всех осмотрит и отберет, которым ехать нужно.

„Вот бы мне поехать! — каждый про себя думает. — В Крым, к Черному морю... Вот бы!“

*

Разговоры о предстоящей поездке пионеров в Крым, в Артекский лагерь-санаторий юных пионеров, захватывают своей заманчивостью, радостью, удовлетворяющими полет фантазии догадками. В памяти всплывают школьные рассказы о Крыме и прочитанное в книжках. Слова и речи отличаются

от обыкновенно употребляемых детьми еще большей яркостью и увлекательностью. Насыщенные захватывающим удовольствием и искренней радостью, разговоры журчат быстрым ручейком и брызгами прозрачной хрустальной водички, привлекают к себе внимание новых групп детишек. Каждому хочется подольше побыть среди своих товарищей и слушать радушные слова предположений о своем Артеке. Много заманчивого и приятного в словах сверстников. Кажется им, что выбежали они на отлогий берег моря, бросились в прохладную воду и плещутся в ней, играя струйками брызг, стремительно вырывающимися из-под ладоней детских ручонков. И всеми цветами радуги переливаются брызги — слова ребячьи — в ласкающих лучах весеннего солнышка.

Журчит, журчит ручеек по фабричному поселку. Вырвался он из клубных пионерских комнаток, захлестнул своею свежестью детские площадки и, разливаясь широкой волной — всей детворой фабричной, проникает в дома. И, проникнув в семьи рабочих, не прекращает он своего журчанья, а сдержанными возмужалыми всплесками-

голосами вызывает довольные улыбки на лицах взрослых рабочих и работниц.

— Кто же поедет-то? Небось, не пошлют тебя, постреленка?

— Кому следует, те и поедут. Может, и я поеду: вот доктор посмотрит, да в отряде решат.

И, как бы утешая себя на случай, если не придется ехать ему в далекий, манящий к себе Крым, добавляет:

— А кто поедет, тот нам расскажет обо всем. Да и остальные не дома сидеть будут. В свой лагерь поедем, в экскурсии ходить будем.

Усталость прошедшего дня неумолимо тянет к постели. И сквозь дремоту приближающегося здорового усталостью сна слышат родители обрывки утихающего детского лепета:

— Завтра вечером... провожать... кто же поедет?... Утром... скажут... Я бы... в Крыму-то хорошо... Из деревни... двое с нами поедут... пастушок... один... Вместе е-дем... в К-р-ы-м...

Нина еще не успокоилась от дневных забот. Завтра об'являть надо, кому ехать, а фабком канитель завел—на четвертого денег не дает. „Пусть трое,—говорит,—с'ездят“. И то хорошо.

„Как же быть? Кому отказать в отдыхе? До сих пор еще не сказала, кто выделен. Что сказать? Места на четверых есть, а трое едут. Что сделать? Что сделать?!“

ВАЛИ НА ВСЕХ ПАРАХ!

— Ну, так как же, Василий Петрович?—проговорила вошедшая Нина, стараясь быть как можно спокойнее. Но тревожно смотревшие глаза и неровная речь с такими перерывами в дыхании, словно она, Нина, страдающая одышкой, пробежала без отдыха большое расстояние, выдавали ее настроение. Она вошла в комнату фабричного комитета и, сказав: „Надо всех отправить. Нельзя от мест отказываться. Чтой-то вы выдумываете, товарищи!“—крикнула в открытую дверь толпившимся около нее пионерам:

— Входите сюда все!